

с. Бодяк

П. М. Бицилли.

**Проблема
русско-украинскихъ отношеній
въ свѣтѣ исторіи.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЕДИНСТВО»
ПРАГА

Прага, 1930.

Издательское Общество «Единство».

Отъ редакціонной коллегіи издательства.

«Всѣ дороги ведутъ въ Римъ». Такъ и къ выводу о необоснованности попытокъ русскаго расчлененія безпристрастное изслѣдованіе и непредвзятая мысль приходятъ самыми различными путями. Своеобразенъ путь профессора П. М. Бицилли, нынѣ занимающаго кафедру исторіи въ Софійскомъ университетѣ (Болгарія), и «Единство», издавая отдѣльною брошюрою его очеркъ, съ удовлетвореніемъ отмѣчаетъ, что даже и тѣхъ ученыхъ, которые въ спорѣ съ «украинствующими» не придають рѣшающаго значенія ни историческимъ, ни филологическимъ доказательствамъ единства всего русскаго народа, научно выдержанныя и совѣстливыя сужденія приводятъ къ заключенію о неправдѣ и вредѣ устремленій «украинизаторовъ», и притомъ о вредѣ не только для всѣхъ русскихъ вообще, но въ первую голову для самихъ малороссовъ.

Очеркъ профессора П. М. Бицилли требуетъ отъ читателя умѣнія внимательно и спокойно слѣдить за доводами автора, умѣнія понять, что авторъ оставляетъ привычныя при спорахъ съ «украинцами» передовыя позиціи лишь для того, чтобы тѣмъ разительнѣе вскрыть великій грѣхъ «украинцевъ» (не малороссовъ, съ которыми и спорить-то не о чемъ, а именно «украинцевъ», или — еще точнѣе — «украинизаторовъ»), тотъ грѣхъ, который коренится въ насильственности проводимой ими «украинизаціи», убѣдительнымъ доказательствамъ чего авторомъ еще раньше была посвящена статья «Нація и языкъ» («Современныя Записки», Xб, стр. 403 и сл.).

Отъ автора.

Предлагаемая краткая статья представляет собою попытку изложенія въ возможно сжатой формѣ и въ примѣненіи къ одному частному вопросу тѣхъ идей о существѣ и эволюціи націи, развитію которыхъ я посвятилъ рядъ этюдовъ, изъ которыхъ одни уже были напечатаны въ «Современныхъ Запискахъ», другіе — надѣюсь опубликовать впоследствии. Здѣсь мнѣ пришлось отчасти повторить то, что уже было мною сказано въ другомъ мѣстѣ, о чемъ считаю долгомъ предупредить читателя. Моя настоящая статья обращена къ тѣмъ русскимъ и къ тѣмъ украинцамъ, которые еще не потеряли надежды на возможность сговориться другъ съ другомъ и которые не думаютъ, что то, что ихъ разъединяетъ, есть исключительно результатъ злой воли, нежеланія понять противника, взглянуть на вещи съ его, противника, точки зрѣнія. Я старался, насколько было въ моихъ силахъ, вскрыть существо такъ называемаго украинскаго вопроса. Я хотѣлъ-бы, чтобы мою статью прочли тѣ изъ украинцевъ, для которыхъ этотъ вопросъ еще является культурно-исторической проблемой, а не только и просто очереднымъ заданіемъ «реальной» политики, и чтобы они отвѣтили мнѣ: или попытались опровергнуть меня по существу, или — признали, что я правъ.

П. Б.

Споръ между русскими и украинцами принято вести въ какъ называемой исторической плоскости. Обѣ стороны ссылаются на факты исторіи или, по крайней мѣрѣ, на такіе, которые онѣ считаютъ историческими: факты исторіи учрежденій, социальныхъ и политическихъ отношеній, языка и т. д. Украинцы, напр., присваиваютъ себѣ Олега, Святослава и Владиміра; проф. Грушевскій доказываетъ, что такъ называемый древнѣйшій періодъ русской исторіи — это на самомъ дѣлѣ исторія «Украины-Руси», что естественнымъ продолженіемъ этой исторіи является исторія Западной Руси, а не Московскій періодъ, что послѣдній есть начало исторіи другого народа, что это — другая исторія. Украинцы настаиваютъ на древности самаго имени Украины, тогда какъ русскіе доказываютъ, что Украина въ старину именовалась Русью и самый народъ звалъ себя русскимъ. Украинцы утверждаютъ, что украинскій языкъ — отдѣльный языкъ, самостоятельная вѣтвь славянскихъ языковъ, а русскіе, что это діалектъ русскаго языка. Далѣе украинцы основываютъ свои притязанія на отдѣльное національно-государственное существованіе на томъ, что такимъ образомъ будетъ положенъ конецъ исторической несправедливости, допущенной въ XVII вѣкѣ: Украина соединилась съ Москвою на договорныхъ началахъ, а Москва обратила соединеніе въ подчиненіе, не считаясь съ договоромъ, нарушивъ его, едва онъ былъ заключенъ. Русскіе отвѣчаютъ на это указаніемъ, что дѣло обстояло много сложнѣе, что необходимо поставить предварительный вопросъ, кто, какіе элементы украинскаго народа, договаривались съ Москвою и какъ именно они тогда этотъ договоръ понимали; русская наука выяснила, что многое изъ того, что въ настоящее время украинцы считаютъ нарушеніемъ правъ украинскаго народа со стороны Москвы, было сдѣлано Москвою въ удовлетвореніе желаній части самого-же украинскаго народа, его собственной военно-землевладѣльческой аристократіи.

Нельзя отрицать большою плодотворности этихъ споровъ для исторической науки. Однако, тотъ, кто считаетъ, что подобная аргументація имѣетъ прямое отношеніе къ

основному предмету спора, тѣмъ самымъ выдаетъ свое непониманіе сущности историческаго процесса вообще, и въ частности — украинско-русской проблемы, какъ проблемы исторической: вѣдь настоящій моментъ есть тоже «исторія», часть историческаго процесса. Именно потому, что исторія есть постоянное обновленіе, вѣчное становленіе, движеніе впередъ — все равно, къ «лучшему» или къ «худшему», — что она необратима, такъ называемые историческіе аргументы, т. е. аргументы отъ данныхъ историческаго прошлаго, сами по себѣ не имѣютъ, не могутъ имѣть рѣшительно никакой силы и никакого значенія въ примѣненіи къ историческому настоящему или историческому будущему. Допустимъ, что правы украинцы, что въ 1654 году Украина была обманута, что по отношенію къ ней Москва совершила несправедливость. Завоеваніе въ 1223 году французскимъ королемъ Тулузскаго графства, края съ богатой, самобытной культурой, съ несомнѣнной собственной исторіей, было во всякомъ случаѣ не меньшей «несправедливостью». Однако, кто во Франціи думаетъ объ отдѣленіи земель, входившихъ нѣкогда въ составъ Тулузскаго графства? Филологическіе аргументы имѣютъ не больше вѣсу. Грань между «языкомъ» и «діалектомъ» весьма условна. Съ точки зрѣнія морфологіи языка, голландскій языкъ — германскій «діалектъ». Но на этомъ «діалектѣ» говоритъ и пишетъ народъ, давно отдѣлившійся отъ общегерманскаго массива, имѣющей собственную государственность и собственную культуру. «Діалектъ», тѣмъ самымъ, сталъ «языкомъ». Въ Галицкой Руси въ XIX вѣкѣ мѣстный языкъ («діалектъ») развился до степени языка школы, литературы и науки. Это вынуждены признать даже наиболѣе ретивые противники украинцевъ. Но они отдѣлываются тѣмъ, что это тотъ украинскій языкъ, насаждаемый въ настоящее время на русской Украинѣ, не есть мѣстный малорусскій языкъ, что это другой языкъ, не — языкъ Шевченка и Котляревскаго, языкъ народу чуждый, и притомъ въ еще болѣшей степени, нежели общерусскій литературный языкъ. Это, конечно, натяжка, и ничего больше. Галицко-украинскій языкъ не въ болѣшей мѣрѣ «другой» языкъ по сравненію съ языкомъ Шевченка, чѣмъ русскій языкъ Тургенева и Толстого по сравненію съ русскимъ языкомъ Ломоносова, чѣмъ французскій языкъ Мопассана по сравненію съ французскимъ языкомъ Раблэ. Въ первомъ случаѣ пространство, а въ

двухъ послѣднихъ время опредѣлило собою различія словаря и слога или «стиля». Этотъ галицко-украинскій языкъ «непонятенъ» малороссу - простолюдину? Думается, не въ большей степени, нежели языкъ Пушкина «непонятенъ» простолюдину-великороссу. Съ другой стороны, допустимо утверждать, что русскій литературный языкъ и языкъ украинскій столь близки другъ другу, что они, въ сущности, могутъ разсматриваться, какъ вѣтви одного и того-же языка. Максимъ Горькій недавно смѣялся надъ тѣмъ, что его сочиненія переводятся на украинскій языкъ. Всякій малороссъ, сказалъ онъ, отлично пойметъ его и въ подлинникѣ. Украинизаторы на это обидѣлись. Имъ непременно хочется, чтобы русскій литературный языкъ былъ непонятенъ для интеллигентнаго украинца. Если факты — противъ этого, тѣмъ хуже для фактовъ! «Хорошій» украинецъ долженъ притворяться, будто онъ не понимаетъ «россійскаго» языка.

Если то, что дѣлають украинизаторы, есть дѣйствительно своего рода національное возрожденіе, то надо сказать, что такое начало, начало, въ основу котораго положенъ сознательный самообманъ, сознательное лицемеріе съ самимъ собою, не предвѣщаетъ ничего добраго. И если бы еще оно оправдывалось цѣлесообразностью. Но вѣдь и этого нѣтъ. Смѣшно бояться сродства языковъ — ибо и это сродство ни въ малой мѣрѣ не можетъ служить само по себѣ аргументомъ въ пользу противной стороны. Болгаринъ безъ всякаго труда понимаетъ русскія книги, а русскій — болгарскія. Французу незачѣмъ учиться итальянскому языку для того, чтобы читать въ подлинникѣ Петрарку. Однако, это не создаетъ никакой угрозы самостоятельному существованію Италіи и Болгаріи или Россіи и Франціи. Можно группировать языки, изъ соображеній научнаго удобства, какъ угодно; можно устанавливать между ними тѣ или инныя степени родства, съ точки зрѣнія словаря, морфологіи и т. д. Самостоятельность, особенность, отдѣльность каждаго даннаго языка есть фактъ политики, культуры, не — филологіи. Съ точки зрѣнія науки филологіи, болгарскій языкъ, напр., ближе къ сербскому, чѣмъ къ русскому, ближе въ отношеніи фонетики и морфологіи; вѣдь именно этимъ, а не словаремъ, опредѣляются въ наукѣ соотношенія между языками; съ точки зрѣнія житейской — еще вопросъ, къ какому изъ двухъ языковъ, русскому или сербскому, болгарскій ближе: для пониманія важно прежде всего сродство сло-

варя. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что болгарскій, сербскій и русскій языки — отдѣльные, самостоятельные языки. Почему? Да просто потому, что болгары, сербы, русскіе суть отдѣльныя націи. Если бы болгары и сербы въ свое время слились воедино, то болгарскій и сербскій языки стали бы «діалектами» одного общаго языка — болгарскаго, если бы въ общей болгаро-сербской цивилизаціи восторжествовало болгарское начало, сербскаго — если бы верхъ взяло сербское. Провансальскій языкъ въ средніе вѣка значительно превосходилъ сѣверно-французскій. На этомъ языкѣ существовала уже богатая литература, когда на Сѣверѣ еще не было почти никакой. Послѣ завоеванія провансальскій языкъ сталъ мѣстнымъ «діалектомъ». «Діалектъ» этотъ, кстати сказать, таковъ, что французамъ, не являющимся уроженцами Прованса, онъ непонятенъ. „Mirejo“, знаменитая поэма провансальскаго поэта Мистрала, издается во Франціи съ переводомъ на французскій языкъ. По свидѣтельству авторитетнѣйшаго историка французскаго языка, Брюно, мѣстные діалекты до революціи такъ далеко отстояли отъ общепровансальскаго языка, что, напр., декреты Учредительнаго Собранія приходилось переводить для провинціи. Но даже самымъ убѣжденнымъ «федералистамъ» того времени не приходило въ голову добиваться раздробленія Франціи на отдѣльныя самостоятельныя государства, границы которыхъ соответствовали бы границамъ мѣстныхъ „patois“.

Читатель, а въ особенности читатель-украинецъ, вправѣ задать здѣсь вопросъ: если аргументъ историческій я объявляю не имѣющимъ никакой силы, если аргументъ филологическій я считаю основаннымъ на недоразумѣніи, — то не значитъ-ли это, что я пытаюсь просто «зачеркнуть» украинско-русскій споръ, объявить его лишенымъ всякаго основанія? И если я отвожу ссылку на допущенную въ прошломъ несправедливость простымъ указаніемъ на «необходимость» исторіи, то не равносильно-ли это проповѣди застоя, преклоненія передъ совершившимся фактомъ? Не есть-ли это, наконецъ, простое самопротиворѣчіе, отрицаніе того, что раньше утверждалось, т. е. текучести историческаго процесса? И если историческія несправедливости, вообще, не могутъ быть исправлены, то, значитъ, историческій фактъ возстановленія Польши какъ-то «выпадаетъ» изъ исторіи? Или же это — какая-то ненормальность? Нарушеніе «закономѣрности» историческаго процесса? Но тогда —

какая цѣна самому понятію исторической законѣрности?

Въ отвѣтъ на это я обращаю вниманіе только на одно: я говорилъ, что обычно выдвигаемые аргументы лишены значенія сами по себѣ, а не вообще и безусловно. Вопросъ гораздо сложнѣе, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго раза. Цѣлью всего выше сказаннаго было показать, въ какія дебри заводитъ его искусственное упрощеніе. Историческій процессъ есть процессъ образованія — и разложенія — различнаго рода коллективовъ, націй, имперій, религіозныхъ, хозяйственныхъ и иныхъ соединеній. Исторія насъ учитъ, что инья изъ этихъ соединеній поддаются разложенію въ результатѣ простого волеизъявленія, разложенію, такъ сказать, механическому, другія — нѣтъ. Самый показательный въ этомъ отношеніи примѣръ представляетъ собою Австро-Венгерская монархія. Это была конгломератъ различныхъ національностей, с о з н а в а в ш и хъ свою особность, добивавшихся самоопредѣленія. И какъ такой конгломератъ, Австро-Венгерія распалась на свои составныя части весьма легко и просто. Но въ экономическомъ отношеніи Австро-Венгерія была очень сложнымъ и очень сплоченнымъ организмомъ. Тѣсно связанныя между собою отдѣльныя экономическія зоны Австро-Венгеріи — Приморье и Гинтерландъ, сельско-хозяйственные и фабричныя районы — не совпадали по своимъ границамъ съ областями распредѣленія національностей. И разложеніе двуединой монархіи явилось экономической катастрофой, смертію того хозяйственнаго *individuum*'а, какимъ это государство было. Отдѣльнымъ государствамъ, возникшимъ на развалинахъ Дунайской имперіи, пришлось перестраивать свою экономическую структуру, создавать — каждому въ отдѣльности — собственное народное хозяйство. Діаметрально противоположный примѣръ представляетъ паденіе Римской имперіи. Въ хозяйственномъ отношеніи это государство было совокупностью отдѣльныхъ міровъ и мірковъ, тяготѣвшихъ къ самодовлѣнію, къ устройству на началахъ замкнутаго, «домашняго» хозяйства, ничѣмъ — или почти ничѣмъ — другъ другу не служившихъ. Связью здѣсь являлась единственно общая всѣмъ провинціямъ обязанность кормить столицу. Поэтому, какъ только ослабѣла государственная власть, имперія экономически «феодализовалась». И ея экономическій распадъ обусловилъ собою и ростъ ея политическаго разложенія. Въ культурномъ же отно-

шені імперія была сплоченимъ организмомъ національнаго типа, индивидуумомъ. Какъ разъ въ періодъ политическаго и економіческаго розложенія ея, всѣ ея свободные обитатели стали римскими гражданами. Общее право, общій языкъ, общая религія (по крайней мѣрѣ, въ городахъ, а імперія была въ сущности громадной федераціей городскихъ общинъ, въ деревнѣ же держались мѣстные языки и мѣстные культы, — не даромъ въ христіанскую пору «селянинъ», „paganus“, значило «язычникъ») соединили италиковъ, испанцевъ, галловъ, нумидійцевъ и т. д. въ одну націю — римлянъ. И этотъ *individuum* пережилъ імперію, въ нѣдрахъ которой онъ зачался. Нѣкоторыя части его удержались въ теченіе вѣковъ. До XVI вѣка вся христіанская церковь въ Западной Европѣ была единою римскою церковью. Латинскій языкъ оставался языкомъ Школы и Государства въ теченіе всего средневѣковья и начала новаго времени, а языкомъ церкви онъ остается у католиковъ и по сей день. Когда въ результатъ хозяйственной и политической изоляціи бывшихъ провинцій Имперіи здѣсь стали пускаться ростки областныя начала въ языкѣ и культурѣ, когда на ихъ почвѣ стали зарождаться отдѣльныя націи, — это не было процессомъ формировація такихъ націй изъ старыхъ, предшествовавшихъ римскому завоеванію, культурныхъ и этническихъ элементовъ: тамъ, гдѣ романизація проникла достаточно глубоко, римское культурное начало подчинило себѣ какъ эти элементы, такъ и новые, занесенные «великимъ переселеніемъ народовъ». Испанцы — не кельтиберы и не визиготы, французы — не франки и не галлы, итальянцы — не лангобарды. Образованіе этихъ націй было прежде всего процессомъ дифференціаціи римской націи; ихъ языки — ничто иное, какъ «діалекты» языка римлянъ, развившіеся изъ такъ называемой «простонародной латыни». Этотъ фактъ слѣдуетъ, въ настоящей связи, особо подчеркнуть и запомнить. Исторію Франціи, поэтому, слѣдуетъ начинать — съ Цезаря и съ той великой «исторической несправедливости», какою, съ точки зрѣнія Верцингеторикса, объединившаго часть галловъ въ отчаянной попыткѣ отстоять свою независимость, было римское завоеваніе. Французы считаютъ Верцингеторикса своимъ національнымъ героемъ и ставятъ ему памятники, — врядъ-ли съ большимъ основаніемъ, нежели съ какимъ славяне покушаются присвоить себѣ Діоклеціана и Юстиніана Великаго. Культъ Верцинге-

торикса во Франціи можетъ имѣть оправданіе, какъ почитаніе символа, имѣющаго нѣкоторое общечеловѣческое значеніе, не — специфически національное. Если дѣйствительно Верцингеториксъ возвысился до сознанія обще-галльскаго національнаго единства, то его подвигъ знаменуетъ собою трагическое завершеніе галльской исторіи, которая, такимъ образомъ, оборвалась въ тотъ самый моментъ, когда и началась, — ибо до того момента у галловъ не было никакой общей жизни, — знаменуетъ завершеніе окончательное, срывъ въ небытіе и безъ воскресенія. Въ этой смерти галльскаго народа повинны, впрочемъ, сами галлы не меньше, чѣмъ римляне, — если только можно говорить о виновности, примѣнительно къ народу, недоросшему до національнаго сознанія. «Галлія» въ эпоху Цезаря была географическимъ терминомъ и «галлы» — не болѣе, какъ собирательнымъ именемъ. Извѣстно, что Цезарь завоевалъ Галлію при помощи преимущественно самихъ же галловъ, какъ впоследствии Робертъ Клайвъ — Индію при помощи индусовъ, тогда такого-же собирательнаго имени. Галлія не была еще историческимъ индивидуумомъ, не была организмомъ. Польша-же, въ эпоху раздѣловъ, такимъ индивидуумомъ, такимъ организмомъ была. Только по отношенію къ живымъ организациямъ можно говорить о смерти и рожденіи, объ убійствѣ, о преступленіи. Раздробить каменную глыбу — не значитъ совершить убійство. Цезарь не убивалъ Галліи. Но Фридрихъ, Марія-Терезія и Екатерина II дѣйствительно покусились на убійство Польши. Примѣръ Польши показываетъ еще одно: необычайную живучесть национальныхъ организмовъ. Если «воскресеніе» Польши послѣ великой войны было возможно, то потому, что Польша въ теченіе ста лѣтъ съ того момента, какъ Косцюшко воскликнулъ: «*Finis Poloniae!*», продолжала жить, «пока были живы поляки».

Что это значитъ? Что значатъ слова патріотической пѣсни: «*Jeszcze Polska nie zginęła, póki my żyjemy?*»? То, что не переводились люди, думавшіе и говорившіе на польскомъ языкѣ, и что такіе люди въ границахъ бывшаго Королевства составляли большинство населенія? Конечно, не это — само по себѣ, — а то, что большинство этихъ людей не забыло о Польшѣ и желало ея возстановленія. «Коллективный организмъ», «коллективный индиви-

дуумъ», строго говоря, не болѣе, какъ метафоры. Между организмозомъ въ общепотребительномъ смыслѣ слова и организмозомъ коллективнымъ нѣтъ полной аналогіи. Къ «организмамъ» этого рода не примѣнимъ принципъ психофизическаго единства. Скорѣе къ нимъ приложима точка зрѣнія старинной метафизики, различавшей «матерію» и «сознаніе», «тѣло» и «душу», какъ двѣ отдѣльных «субстанціи». Основной признакъ коллективнаго *individuum'a* — единство его непротяженной, мыслящей субстанціи. Сущность историческаго процесса, который мы опредѣлили выше, какъ процессъ формировація коллективныхъ индивидуумовъ, можетъ быть, слѣдовательно, формулирована удобнѣе всего въ терминахъ метафизики, а именно, какъ процессъ психическій по преимуществу, какъ эволюція непротяженной субстанціи, — хотя этотъ процессъ и протекаетъ въ рамкахъ пространства — предиката субстанціи протяженной. Поэтому примѣръ Польши и не противорѣчитъ выставленному выше положенію о «необратимости» исторіи. Ибо Польша не перестала существовать, разъ была жива польская душа, проявлявшая себя въ національномъ сознаніи и въ волѣ къ національной жизни.

А Украина? Можно-ли ее, въ данномъ отношеніи, сопоставить съ Польшей? Я напомнимъ только объ одномъ. Извѣстно, какъ отрицательно украинизаторы относятся къ идеѣ волеизъявленія украинскаго народа, будь это плебисцитъ по общему вопросу о національно-государственномъ самоопредѣленіи Украины, или же въ той или иной формѣ выраженное массовое волеизъявленіе по вопросу, напр., о школьномъ языкѣ. Украинизаторы не скрываютъ, что въ рядѣ мѣстностей, считающихся «украинскими», население, если бы ему было предоставлено на выборъ рѣшеніе — какой языкъ ввести въ школы, высказалось бы не за украинскій, а за русскій, «россійскій». Они указываютъ, что вѣковое политическое и культурное господство «Москвы» убило въ украинскомъ народѣ сознаніе своей особности и волю къ національному самоопредѣленію. Тѣ изъ сыновъ этого народа, которые это сознаніе и эту волю имѣютъ, обязаны принудить свой народъ національно возродиться. Нельзя спрашивать украинцевъ, какой школы они хотятъ. Надобно дать имъ ту школу, которой они сами бы пожелали, если-бы они помнили о своемъ украинствѣ. Никто не имѣетъ права на самоубійство, ни единичная личность, ни народъ. Это раз-

сужденіе родственно тому, которымъ церковь въ свое время оправдывала преслѣдованія еретиковъ. Никто не имѣетъ права губить свою душу. Кто не хочетъ спастись, тотъ долженъ быть принужденъ къ этому насиліемъ. «**Compelle intrare**» — «принуди внити»!

Я не буду входить въ оцѣнку этого мнѣнія и только напомнимъ, что, по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ, отъ приложенія принципа «**compelle intrare**» и церковь уже отказалась. Что касается украинскаго вопроса, укажу, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не о недопущеніи самоубійства, а о чемъ-то другомъ. Нельзя говорить о самоубійствѣ примѣнительно къ личности, которой уже нѣтъ въ живыхъ. Рѣчь, стало быть, идетъ не объ обереганіи національнаго бытія украинскаго народа, а о возстановленіи этого бытія, о подлинномъ воскрешеніи изъ мертвыхъ. Отдають-ли они себѣ въ этомъ отчетъ, или нѣтъ, — именно это имѣютъ въ виду украинизаторы. Они желаютъ — по крайней мѣрѣ, поскольку дѣло касается русской Малороссіи — создать новый народъ, новую націю, по образу націи, нѣкогда существовавшей или нѣтъ, — это особый вопросъ, и я уже объяснилъ, почему я считаю его второстепеннымъ, — но во всякомъ случаѣ нынѣ не существующей. Петлюра и Скоропадскій дѣлали не то же самое, что сдѣлалъ Пилсудскій. Это надо уяснить себѣ, какъ слѣдуетъ, и, уяснивъ, признать.

Я знаю, что мнѣ на это отвѣтятъ: нельзя отрицать наличность національнаго существованія народа на томъ только основаніи, что народъ самъ этого существованія не сознаетъ. Украинская національность никогда не переставала быть, и доказательствомъ этого служить то, что украинскій народъ, даже если онъ хочетъ школы русской, говорить все-же не на русскомъ, т. е. обще-русскомъ литературномъ языкѣ, а на своемъ собственномъ, украинскомъ. Украинская нація существуетъ «виртуально», существуетъ въ «потенціи», въ возможности. И эту возможность надо проявить, надо освободить силы, въ народѣ дремлющія, надо пробудить народъ отъ его спячки.

Я далекъ отъ того, чтобы считать это убѣжденіе несерьезнымъ. Напротивъ, я думаю, что въ немъ много правды. Проблема украинскаго возрожденія вовсе не какой-либо вздорный вымыселъ политикановъ и праздномыслящихъ романтиковъ. Ей нельзя отказать въ жизненности, и отмах-

нутья от нея было-бы преступно и глупо. Но ее надо правильно поставить. И прежде всего надлежит указать, что только-что приведенное рассужденіе грѣшитъ въ одномъ весьма важномъ отношеніи: оно основано на смѣшеніи понятій признака наличія національности и условія возникновенія національной жизни.

Мы здѣсь подошли къ самому центру проблемы, къ вопросу о томъ, какъ вообще возникаютъ національныя *individua*, въ чемъ состоитъ сложнѣйшій и таинственный процессъ формированія національной «души», національной личности. На этомъ вопросѣ должно остановиться и рассмотреть его со всяческимъ вниманіемъ.

Какъ общее правило, существеннымъ и наиболѣе очевиднымъ признакомъ націи является языкъ. И то, что есть націи, пользующіяся двумя или болѣе языками, этому не противорѣчитъ. Такое положеніе вещей ни одинъ народъ не считаетъ нормальнымъ. Исключеніе составляютъ развѣ одни лишь швейцарцы. Но случай Швейцаріи — совершенно особый, и притомъ есть теоретики, которые затрудняются признать швейцарцевъ однородной національностью. Въ Бельгіи два національныхъ языка находятся между собою въ борьбѣ. Сіонисты воссоздаютъ для житейскаго обихода палестинскихъ евреевъ древне-еврейскій языкъ, а индусы-націоналисты стараются оживить «мертвый» языкъ священныхъ книгъ Индіи. Громадное большинство исторически-сложившихся націй одноязычно. Единство языка заставляетъ народы, политически и пространственно разобщенные, тяготѣть другъ къ другу. Но постоянство связи языка и націи обуславливаетъ собою то, что мы склонны отождествлять языковое единство съ національнымъ. Разъ данъ налицо языковой коллективъ, мы считаемъ, что передъ нами — національность. Но это — логическій скачокъ. Изъ того, что національное единство предполагаетъ единство языка, по крайней мѣрѣ — къ нему стремится, еще не слѣдуетъ, что единство языка уже предполагаетъ единство національное. Надо къ тому-же — я уже говорилъ объ этомъ — принять во вниманіе неясность и условность самаго термина языкъ. Если-бы Голландія была частью Германіи, мы говорили-бы, что языкъ, которымъ пользуется въ своемъ обществѣ ея население — диалектъ нѣмецкаго языка. Но такъ какъ Голландія — отдѣльное государство и голландцы со-

ставляютъ отдѣльную націю, мы называемъ этотъ «діалектъ» голландскимъ языкомъ.

Подобно тѣмъ апоріямъ, которыя возникаютъ, когда мы разбиваемъ непрерывно текущее время на рядъ неподвижныхъ моментовъ (извѣстная задача объ Ахиллесѣ и черепахѣ), создаются апоріи и въ томъ случаѣ, когда мы приписываемъ историческимъ понятіямъ, каковымъ является и понятіе языка, предикаты мертвыхъ и косныхъ вещей. На самомъ же дѣлѣ языкъ есть не вещь, а творческой процессъ. Языкъ не одно и то-же, что грамматика и словарь. Языкъ находится въ непрестанномъ движеніи, онъ вѣчно обновляется, онъ — жив е т ь. Если-бы каждая данная этническая группа пользовалась, въ смѣнѣ поколѣній, однимъ и тѣмъ-же, не поддающимся измѣненіямъ, языкомъ, то разрѣшеніе проблемы національностей значительно бы облегчилось. Национальности существовали бы въ томъ самомъ числѣ и въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ являлись на свѣтѣ божій послѣ вавилонскаго столпотворенія. Романтика, создавшая понятія «духа» языка и народнаго «духа», какъ неизмѣнныхъ и пребывающихъ «вещей», представляла себѣ дѣло именно такъ. Если усвоить себѣ эту точку зрѣнія, то придется признать, что вся доселѣ протекшая исторія чело-вѣчества — есть сплошной рядъ безчисленныхъ аномалій, ошибокъ противъ настоящаго, правильнаго хода исторіи, и что, стало быть, наряду съ подлинной исторіей, исторіей дѣйствительно бывшей, есть еще какая-то другая, идеальная исторія, та исторія, которая должна-бы быть, но которой... не было. Ибо на дѣлѣ происходитъ то, что языки развиваются и на основѣ ихъ возникаютъ національности, но такъ-же и глохнутъ, или-же сливаются вмѣстѣ, или, напротивъ, дифференцируются; а вмѣстѣ съ ними сливаются воедино или-же дифференцируются и національности. Разумѣется, это — только грубая схема. Строгаго параллелизма между эволюціей языковъ и эволюціей національностей нѣтъ. На дѣлѣ существуютъ тысячи самыхъ разнообразныхъ формъ взаимозависимостей между этими величинами. И во всякомъ случаѣ языкъ — далеко не единственный факторъ образования націи. Наряду съ нимъ и иной разъ противъ него дѣйствуютъ многочисленные факторы самаго разнообразнаго порядка: географическія условія, экономическія связи, вѣра, международныя отношенія. Бельгійская національность, а также и швейцарская,—если признаемъ фактъ ихъ существо-

ванія, — результатъ созданнаго соглашеніемъ великихъ державъ режима постоянного нейтралитета соотвѣтствующихъ территорій. Эльзасцы, говорящіе по нѣмецки, однако, не считаютъ себя нѣмцами. Они тяготѣютъ къ Франціи, но не считаютъ себя и вполне французами. Эльзасское самосознаніе можно охарактеризовать, какъ недоразвитое, или, вѣрнѣе, подавляемое самими же эльзасцами, національное сознаніе: результатъ того, что Эльзась испоконъ вѣковъ былъ политически и культурно спорной областью. Иногда экономическіе интересы оказываются сильнѣе племенныхъ, кровныхъ притяженій и отталкиваній. Славянское населеніе Корушки голосовало, послѣ великой войны, въ пользу своего присоединенія къ Австріи, а не къ Югославіи, — исключительно изъ экономическихъ соображеній. И экономическая борьба англо-американцевъ съ Англіей явилась первымъ по времени и по значенію факторомъ образованія новой націи — «янки».

И на эти соображенія я предвижу отвѣтъ: пусть до сихъ поръ процессъ формированія и распада національностей протекалъ стихійно, подчиняясь различнымъ случайностямъ; пусть исторія знаетъ множество примѣровъ гибели народовъ отъ грубаго насилія, пусть все это для своего времени было нормой, — значить-ли это, что такъ будетъ и впредь? Вѣдь историческая жизнь неуклонно рационализуется. Ходъ исторіи все болѣе и болѣе зависитъ отъ нашей, направляемой разумомъ, воли. Почему не воспользоваться уроками исторіи? И если она насъ учитъ, что ея путь былъ отмѣченъ доселѣ гибелью столькихъ не осуществившихся возможностей (отмѣчу мимоходомъ, что иной разъ только благодаря этому было мыслимо осуществленіе другихъ возможностей: такъ, Галлія до Цезаря была несомнѣнной «возможностью», но только благодаря тому, что эта возможность пропала, осуществилась такая возможность, какъ Франція), то почему не принять мѣры къ тому, чтобы это не повторялось? Сорокъ милліоновъ людей, говорящихъ на одномъ языкѣ, — это несомнѣнно надежный базисъ для созданія въ будущемъ великой націи. И экономически, и политически, и культурно Украина можетъ развиваться и внѣ рамокъ Россійской Имперіи и обще-русской культуры. Эта перспектива настолько прекрасна, эта идея настолько заманчива, что не попытаться осуществить ее было-бы преступленіемъ.

Съ русской точки зрѣнія возразить на это было-бы легко. И возраженіе извѣстно: Украина свою роль въ исто-

ріи челоуѣчества сыграла, какъ часть Россіи. Русская культура, русская государственность — въ значительной степени дѣло украинцевъ. Ассимиляція не означаетъ гибели народа. Галлы, франки, визиготы и бургунды не пропали безслѣдно въ Римской Галліи. Французская культура есть культура по преимуществу романская, римская. Но реальными творцами ея все-же были не сами римляне, которыхъ въ Галліи была ничтожная горсть, а эти народы, отдавшіе на созданіе ея свои творческія силы, свой геній. Украинскій народъ можетъ гордиться всѣми тѣми цѣнностями, которыми блещетъ обще-русская культура. Въ концѣ концовъ, еще не извѣстно, чтó получить Украина въ случаѣ ея полного обособленія, но во всякомъ случаѣ уже извѣстно, чтó она потеряетъ.

Но если наша цѣль — сговориться съ украинцами, то этого, очевидно, недостаточно. Вѣдь украинизаторы сами выросли на почвѣ общерусской культуры и ея цѣнности имъ извѣстны. И если они готовы пожертвовать ими ради будущихъ цѣнностей той культуры, которую они хотятъ вызвать къ жизни, то, очевидно, эмоционально они уже отошли отъ культуры, съ которой они связаны по своему происхожденію, и тянутся къ той другой, еще не существующей, которую они угадываютъ въ заложенныхъ въ украинскомъ народѣ «возможностяхъ».

На первый взглядъ можетъ показаться, что въ такомъ случаѣ вообще всякій споръ съ украинцами невозможенъ. Нельзя заставить полюбить то, чего уже не любишь. И нельзя напередъ сказать, что украинизаторы въ своихъ надеждахъ должны обмануться. Украинцы могутъ здѣсь сослаться уже на положительные «уроки исторіи». Вѣдь исторія знаетъ примѣры созданія націй сознательными усилиями національныхъ дѣятелей: созданія ирландской націи, румынской, литовской, эстонской, грузинской. Чѣмъ украинскій народъ хуже этихъ народовъ?

Можно, конечно, сказать, что эти примѣры быють мимо цѣли, ибо украинскій народъ и исторически, и въ расовомъ, и въ языковомъ отношеніи все-же неизмѣримо ближе къ русскому (великорусскому), нежели народы Кавказа и «лимитрофовъ», или, напр., ирландскій къ англійскому. Но читателю, я надѣюсь, уже ясно, что я этимъ аргументомъ не воспользуюсь. Расовое, культурное, языковое, историческое средство — суть условія близости, но не доказательство ея. Близость одного народа къ другому — фактъ

психологическій. Она переживается, или — ей нѣтъ. И перечисленные факторы сближенія народовъ дѣйствуютъ отнюдь не безусловно. Въ расовомъ, языковомъ, бытовомъ отношеніяхъ, наконецъ, съ точки зрѣнія исторіи балканскихъ народовъ до освободительной войны, болгары стоятъ ближе къ сербамъ, своимъ, къ тому-же, непосредственнымъ сосѣдямъ, нежели къ русскимъ. Но эмоционально — они ближе къ Россіи, нежели къ Сербіи. И отталкиванія замѣчаются какъ-разъ между объективно наиболѣе близкими индивидуальностями, какъ единичными, такъ и коллективными. Оговариваюсь, что я здѣсь не дѣлаю сомнительнаго свойства обобщеній частныхъ случаевъ «отталкиваній» между русскими и украинцами, замѣчаемыхъ въ простонародьѣ. Есть люди, придающіе значеніе тому, что великороссъ зоветъ малоросса «хохлою», а малороссъ великоросса «кацапомъ» или «москалемъ», и тому подобнымъ мелочамъ. Я пойду дальше и признаю, что антагонизмъ между Сѣверомъ и Югомъ въ Россіи несомнѣнно есть. Это общій фактъ. Онъ существуетъ и въ Германіи, и во Франціи, и въ Италіи, и въ Испаніи, и въ Американской республикѣ. Но этотъ фактъ — не одно и то-же, что антагонизмъ національный, и не о немъ, поэтому, идетъ сейчасъ рѣчь. И если украинизаторы ссылаются на него и пытаются на немъ базироваться, то это значитъ или то, что они не знакомы съ исторіей, или обманываютъ самихъ себя, или-же, наконецъ, обманываютъ другихъ. Для меня, въ настоящей связи, имѣетъ значеніе только одинъ, сейчасъ отмѣченный, фактъ—моральнаго, внутренняго отчужденія украинизаторовъ отъ Россіи, фактъ, дѣлающій самъ по себѣ то, что изъ двухъ людей одинаковаго происхожденія, одинаковой культуры, одной крови (оба Шульгины), одинъ — несомнѣнный, безспорный украинецъ, потому что онъ хочетъ имъ быть, другой — столь-же несомнѣнный, столь-же безспорный русскій—по той же причинѣ. Извѣстны случаи перерожденія національной «души». Покойный Гарольдъ Вильямсъ, чистокровный англичанинъ, чувствовалъ себя столько-же англичаниномъ, сколько и русскимъ, и засвидѣтельствовалъ это въ самый торжественный мигъ своей жизни, перейдя передъ смертью въ православіе. Райнеръ-Марія Рильке, великій нѣмецкій поэтъ, подъ конецъ своей поэтической дѣятельности, очевидно, ощутилъ въ себѣ французскую «душу», ибо сталъ писать стихи по

французски; что это было подлинное слияніе съ чужой національной «душой», явствуетъ изъ высокаго поэтическаго качества его французскихъ стиховъ. Разумѣется, это предѣльные случаи. И съ цѣлыми народами такихъ внезапныхъ превращеній не бываетъ. Но обработка народа въ теченіе ряда поколѣній путемъ пропаганды и школы, но политическая и экономическая изоляція могутъ, въ концѣ концовъ, перевоспитать народы. Украинскую націю создать можно. Въ этомъ украинизаторы вполне правы.

Правы, по крайней мѣрѣ, постольку, поскольку мы удовлетворимся тѣмъ предварительнымъ опредѣленіемъ національнаго *individuum*'а, которое мы дали выше. Огромное большинство людей имъ и удовлетворяется. То, что слѣдуетъ дальше, направлено далеко не противъ однихъ только украинизаторовъ. Украинская проблема, какъ она обычно, какъ она всегда ставится, есть лишь часть главной проблемы исторіи нашего времени.

Наше время протекаетъ подъ знакомъ «самоопредѣленія народовъ». Принято считать, что самоопредѣленіе народовъ, образование національныхъ государствъ — главный фактъ новой исторіи. XIX-ый вѣкъ и начало XX-го въ этомъ отношеніи знаменуютъ собою завершеніе историческаго процесса, тянущагося со времени средневѣковья. Если до нашихъ дней это былъ общій фактъ европейской исторіи, то сейчасъ его значеніе неизмѣримо расширилось. Сейчасъ это фактъ міроваго значенія. Націи повсемѣстно либо возрождаются изъ вѣковъ небытія, либо наспѣхъ довершаютъ свою, въ теченіе столѣтій не закончившуюся, реализацію, либо творятся тамъ, гдѣ никакихъ націй доселѣ не было. Вездѣ — въ Китаѣ, въ Индіи, въ Палестинѣ, въ Южной Африкѣ, въ Египтѣ, въ Турціи, въ Афганистанѣ, съ закономѣрностью, поражающей воображеніе, протекаетъ одинъ и тотъ же процессъ, сказывается неудержимая сила одной и той же тенденціи. Вслѣдъ за эрой раскрѣпощенія личности наступила эра эмансипаціи народовъ.

Большинство людей удовлетворяется констатированіемъ этого факта и считаетъ, что этимъ содержаніе исторіи нашего времени исчерпывается. Но исторія не только описывается и классифицируетъ явленія; она ихъ осмысливаетъ, ихъ оцѣниваетъ, ихъ судитъ. И только взвѣсившая явленія, она познаетъ ихъ въ ихъ истинной сущности. При такомъ, болѣе углубленномъ, подходѣ, явленія, на пер-

вѣй взглядъ кажуціяся однородными, обнаруживаютъ, каждое въ отдѣльности, свою специфическую природу, свой собственный смыслъ, которымъ опредѣляется, въ конечномъ итогѣ, и общій смыслъ даннаго историческаго момента.

Мы присутствуемъ при формированіи новыхъ націй, т. е. новыхъ индивидуальностей, и при завершеніи націй, уже ранѣе сложившихся. Каково всемірно-историческое значеніе этого факта? Гегель дѣлилъ народы на «историческіе» и «не-историческіе», относя къ послѣднимъ такіе, которые сами по себѣ не дали ничего человѣчеству, ничѣмъ, никакими цѣнностями, не обогатили его исторію, которые остались какъ-то въ сторонѣ отъ эволюціи Міроваго Духа, каковою, согласно Гегелю, является всемірная исторія. Можно спорить противъ классификаціи народовъ у Гегеля, и въ особенности слѣдуетъ остерегаться отъ такого пониманія его дѣленія народовъ, согласно которому есть народы «органически» одаренные, способные къ высшей культурѣ, и есть народы «отъ природы» бездарные, тупые, человѣчеству ненужные. Но самый фактъ неравноцѣнности народовъ остается въ силѣ. Чѣмъ эти различія въ цѣнности опредѣляются? Мы это поймемъ, если задумаемся надъ вопросомъ, почему мы, вообще, привѣтствуемъ «самоопредѣленіе» народовъ, привѣтствуемъ рожденіе новыхъ націй? Если-бы націи отличались одна отъ другой только мѣстожительствомъ, численностью, языкомъ, — то я не знаю, чѣмъ ростъ числа націй обогатилъ-бы исторію? Для тѣхъ, кто стоитъ на точкѣ зрѣнія «индивидуализма массы», „*Massenindividualismus*“, какъ говорятъ нѣмцы, кто раздѣляетъ мнѣніе объ абсолютной равноцѣнности всѣхъ единичныхъ личностей и всѣхъ народовъ, кто вѣритъ въ существованіе одной, единообразной, общеобязательной, «нормальной» цивилизаціи, — для тѣхъ раздѣленіе человѣчества на расы, племена, націи должно представляться не плюсомъ, а минусомъ. Не лучше-ли было-бы, чтобы не было ни таможенныхъ, ни стратегическихъ границъ, ни — главное — границъ языковыхъ, которыя разобщаютъ человѣчество? Таковъ идеаль «эсперантистовъ», пользующихся, какъ извѣстно, особыми симпатіями коммунистической партіи. И если подавляющее большинство людей отъ этого идеала тошнить, то тому есть разумныя основанія. Нація есть культура, т. е. творчество, созданіе цѣнностей. Въ творествѣ народъ, какъ и единичная личность, выражаетъ

себя, свою душу, свою индивидуальность. Всякая же индивидуальность ограничена. Нѣтъ абсолютно похожихъ другъ на друга людей. Если-бы всѣ люди были равны и равноцѣнны во всѣхъ отношеніяхъ, незачѣмъ было-бы читать Пушкина и слушать музыку Шуберта: они не дали-бы мнѣ ничего такого, чего не было-бы во мнѣ самомъ. И поскольку къ націи приложимъ предикатъ индивидуальности, сказанное приложимо и къ націямъ. «Острый галльскій смыслъ» есть нѣчто, специфично присущее французамъ, Франціи, какъ «сумрачный германскій геній» — нѣмцамъ, Германіи.

Всякое творчество символично. Въ учрежденіяхъ, въ памятникахъ культа, литературы, живописи и т. д. человекъ или народъ раскрываетъ себя. И то, что сквозь эти символы я, посторонній человекъ, прозрѣваю душу ихъ творцовъ, показываетъ, что они, эти символы, пробуждаютъ во мнѣ какія-то доселѣ скрытыя, дремавшія во мнѣ, духовныя возможности (иначе непонятно, какимъ образомъ и почему эти символы могли-бы быть вытѣны), заставляють меня творчески пріобщиться душою къ чужой душѣ. То, что люди различныхъ эпохъ, различныхъ міровъ, различныхъ индивидуальныхъ свойствъ, понимаютъ другъ друга, что мы понимаемъ «Иліаду» и восхищаемся ея красотами, — хотя мы не разрываемъ руками жареныхъ барановъ, не совершаемъ человѣческихъ жертвоприношеній и не пользуемся, въ качествѣ средства передвиженія, двухколесными телѣжками, — свидѣтельствуетъ, что въ символахъ, намъ вполне непривычныхъ, чуждыхъ и даже, подчасъ, — если разсматривать ихъ «въ себѣ», — отвратныхъ, — могутъ воплощаться вѣчная Истина, вѣчная Красота, вѣчное Добро, что Истина, Красота, Добро суть нѣкоторыя реальности. Несомнѣнно, что древній грекъ понималъ «Иліаду» и флорентинецъ XIV вѣка «Божественную Комедію» иначе, чѣмъ мы. «Иліада» была для грека приблизительно тѣмъ, чѣмъ для насъ является, напр., Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона, и нѣчто подобное представляла собою для итальянца XIV—XV вв. «Божественная Комедія», какъ это явствуетъ изъ многочисленныхъ современныхъ комментаріевъ къ ней. Въ «Иліадѣ» отражена Греція древнѣйшаго періода, какъ въ поэмѣ Данте средневѣковая итальянская коммуна. Поскольку эти произведенія выражаютъ собою временное, преходящее, отошедшее безвозвратно

въ прошлое, специфически мѣстное, узко-національное, — они понятны только специалистамъ. Ихъ непреходящее и міровое значеніе опредѣляется тѣмъ, что въ преходящихъ, мѣстныхъ, національныхъ символахъ въ нихъ выражено Вѣчное и Абсолютное. Иныхъ символовъ, кромѣ преходящихъ, ограниченныхъ, не-адекватныхъ абсолютному, нѣтъ и быть не можетъ въ силу опредѣленія. Символь, адекватный символизуемому, — логическій абсурдъ. Намъ не дано видѣть Бога непосредственно, лицомъ къ лицу, разговаривать съ нимъ, «какъ сосѣдь съ сосѣдомъ», по выраженію средне-вѣковыхъ мистиковъ. Въ предѣлахъ земной жизни мы только «ловимъ отблескъ вѣчной красоты». Воплощеніе Абсолюта по необходимости всегда частично, ущербно, неполно, ограничено.

Для подавляющаго большинства людей символы, т. е. весь окружающій міръ, самодовлѣющи и самоцѣнны. Тѣмъ-то и отличаются великія творческія индивидуальности отъ «черни», погруженной въ косность матеріальнаго міра, что для нихъ „alles Vergängliche ist nur ein Gleichnis“ — «все преходящее только подобіе», какъ гласитъ заключительный хоръ «Фауста». Великіе люди и великія культуры характеризуются именно этой, исчерпывающей ихъ сущность, устремленностью къ Абсолютному. Потому-то лишь на почвѣ религіи возникали великія, «историческія» культуры — Израиля, Египта, Эллады, Индіи, германо-романскихъ народовъ средне-вѣковья, православной Руси.

Евреи на зарѣ своей исторіи были семитскимъ племенемъ, индивидуальность котораго опредѣлялась культомъ «собственнаго» бога, Яхве, бога весьма исключительнаго, ревниваго, не терпѣвшаго другихъ боговъ. Евреи знали, что есть и другіе боги, но предпочитали имѣть дѣло съ однимъ лишь своимъ Яхве. Съ теченіемъ времени Яхве въ сознаніи евреевъ выросъ. Онъ сталъ единственнымъ богомъ, Богомъ вообще. Вмѣстѣ съ тѣмъ сразу измѣнилось и положеніе самого Израиля, какъ «народа Яхве». Служеніе Яхве стало міровой миссіей «избраннаго» народа. Если раньше Яхве существовалъ для Израиля, то съ того момента Израиль сталъ существовать ради Яхве. Тѣмъ самымъ изъ темнаго народа Израиль превратился въ великую «историческую» націю. Возстановленіе Имперіи и Рима мыслится Дантомъ и Петраркой, какъ долгъ Италіи передъ Богомъ и человечествомъ, какъ ея призваніе, не какъ ея право. Римъ

нуженъ, какъ центръ Града Божія на землѣ. Возвысившись до этой концепціи, Данте и Петрарка создали итальянскую націю, тогда какъ Гарибальди и Кавуръ только сформировали ее. Созданіе великихъ историческихъ націй никогда не было самоцѣлью для ихъ создателей. Они мѣтили дальше и выше. Не для того писали пророки свои книги и псалмопѣвецъ свои псалмы, Данте свою «Комедію» и Гомеръ «Иліаду», Мильтонъ «Рай» и Гете «Фауста», не для того переводилъ Лютеръ святое писаніе, чтобы «пропагандировать» еврейскій, греческій, итальянскій, нѣмецкій, англійскій языки, чтобы обезпечить за этими языками «права гражданства», но они достигли того, что эти языки живутъ вѣчной жизнью и что люди, національно связанные съ ними, дорожатъ этой связью, какъ своей величайшей святыней.

Такъ проявляетъ себя непреложный историческій законъ перерожденія цѣлей. Творя надъ - національныя, сверхъ - національныя цѣлины, герои человечества творятъ націи. Послѣднія — косвенный, но необходимый результатъ ихъ творческихъ устремленій. Усвоивъ себѣ эту истину, мы, по необходимости, придемъ и къ обратному заключенію. Кто ставитъ себѣ созданіе націи въ качествѣ самоцѣли, кто не видитъ ничего дальше этого и ничего больше не добивается, — тотъ въ состояніи оформить, закрѣпить уже сложившуюся націю, но создать націю онъ не можетъ. Различіе между дѣломъ политика и дѣломъ творца націи, въ подлинномъ смыслѣ этого слова, т. е. создателя національной культуры, опредѣляется различіемъ природы двухъ соответствующихъ сферъ: политики и культуры. Культура самозаконна, автономна. Она есть объективация своей собственной идеи, дѣятельность, направленная къ реализаціи своего собственнаго образа совершенства. Политика, напротивъ, гетерономна. Дѣятельность политика направляется учетомъ силъ и условій, ему данныхъ, и цѣлями, ему и звнѣ предписанными. Культурный дѣятель дѣйствуетъ по цѣлямъ, диктуемымъ ему голосомъ его души, и потому, дѣйствуя ради того, чтобы превзойти себя, онъ своей дѣятельностью утверждаетъ самого себя. Цѣли политика далеко не надъ - или свехъ-индивидуальны; онѣ — а-индивидуальны, безъ - личны. Онѣ всегда и всюду совершенно одинаковы. Конечная цѣль всякаго политика — обезпечить своему народу наиболѣе выгодную позицію въ той непрекращающейся ни

на мигъ борьбѣ народовъ, изъ которой слагается ткань политической исторіи. Его гениальностью, — а политикъ можетъ быть гениемъ, такъ-же, какъ и дѣятель культуры, и Бисмаркъ, какъ творческая сила, не ниже Шекспира или Лобачевского, — могутъ быть запечатлѣны тѣ средства, которыя онъ создаетъ для достиженія своей цѣли (германская конституція, составленная Бисмаркомъ), но не сама эта цѣль. Ибо эта цѣль лежитъ внѣ плоскости человѣческаго духа. Различіе между политикой и культурой аналогично, такимъ образомъ, различію между ремесломъ и искусствомъ. Цѣль ремесла — создать полезный предметъ. Цѣль искусства — связать, черезъ произведеніе искусства, творца съ воспринимающими его твореніе. Когда я бреюсь бритвой «Жилетъ», мнѣ нѣтъ дѣла до джентельмена, изображеннаго на конвертикѣ съ ножиками. Пусть его «душа» какъ-то запечатлѣна въ его созданіи, — если нашей цивилизаціи суждено исчезнуть, какъ исчезла цивилизація народа Майя, то будущій археологъ, по случайно найденной при раскопкахъ бритвѣ «Жилетъ», сдѣлаетъ кое-какія предположенія о «психеѣ» европейскаго человѣчества, — пока я ею бреюсь, я этой «души» не вижу. Не вижу и менно потому, что бреюсь. Трагедія національнаго дѣятеля, строящаго націю, какъ самоцѣль, состоитъ въ томъ, что онъ трактуетъ культуру, какъ политику, и потому въ состояніи создать подобіе націи, но не — подлинную націю. Ибо онъ не художникъ, а ремесленникъ. Ему можетъ казаться, что онъ творитъ, какъ художникъ, такъ какъ онъ не знаетъ, что такое свободное творчество; онъ творитъ съ оглядкой, съ задней мыслью, онъ думаетъ о посторонней культурѣ цѣли, о ея конечномъ результатѣ — націи, и эта направленность духа мимо цѣли и обусловливаетъ собою роковымъ образомъ его безсиліе: онъ создаетъ только видимость культуры, а значитъ — только видимость націи. Съ точки зрѣнія политики, — а тотъ, кто «строитъ» націю, не имѣетъ права ни на минуту отойти отъ этой точки зрѣнія, — нація разсматривается, какъ сила, дѣйствующая въ окруженіи постороннихъ ей, внѣшнихъ силъ. «Строитель» націи обязанъ приложить всѣ усилія къ тому, чтобы показать внѣшнему міру, что нація, которую онъ «строитъ», есть подлинно нація, что она обладаетъ всѣми атрибутами таковой — національнымъ языкомъ, національнымъ искусствомъ, національ-

ной наукой и т. д. Онъ будетъ «націонализировать» всѣ эти сферы дѣятельности Духа. Что бы и о чемъ бы онъ ни писалъ, онъ будетъ добиваться прежде всего не возможно болѣе точной передачи своей мысли, а возможно большей «чистоты» языка. Онъ пожертвуетъ самыми необходимыми, давно вошедшими въ общенародный обиходъ, словами, лишь бы только они не явились для кого-нибудь аргументомъ въ пользу недостаточной «самобытности» его языка. Украинецъ добровольно исказитъ свою рѣчь въ своемъ увлеченіи борьбой съ «россійскими» словами, румынъ — съ славянизмами, которыми полонъ словарь живой румынской рѣчи. Обѣдненіе культуры, оскудѣніе духа, застой, косность — непремѣнное слѣдствіе національнаго «строительства» ради него самого. Изъ того-же основного побужденія политика — «строителя» націи вытекаетъ еще одно слѣдствіе, на первый взглядъ противорѣчащее предыдущему, на самомъ же дѣлѣ — одного съ нимъ порядка. Политикъ долженъ примирить ви́шній міръ съ устраиваемой имъ націей и постараться сдѣлать такъ, чтобы послѣдняя этому міру импонировала. Въ одно и то-же время онъ гонится и за максимальной «самобытностью», и за тѣмъ, чтобы его нація выглядела «какъ всѣ», «не хуже другихъ». Поэтому, что бы онъ ни пробовалъ выполнить, всѣ его достиженія будутъ носить на себѣ отпечатокъ того, что въ теоріи искусства зовется «академизмомъ». Академизмъ можно опредѣлить, какъ полный разрывъ матеріи и формы. Между тѣмъ, какъ во всякомъ продуктѣ свободной, творческой дѣятельности Духа матерія и форма слиты воедино въ общей Идее, ибо онѣ имманентны ей, опредѣляются ею и выходятъ изъ нея, въ произведеніи, порождаемомъ потугами академизма, Идея отсутствуетъ. Ибо импульсъ дѣятельности академика — не проявить самого себя, а показать, что онъ можетъ сочинить сонату, похожую на бетховенскую, нарисовать картину, какъ Рафаэль, написать стихи, какіе писалъ Пушкинъ. Есть два вида подражательности: 1) Подражательность, обусловленная обаяніемъ образца, подражательность эпитимовъ. Современники Микель-Анджело подражали его стилю потому, что находились во власти его генія и до нѣкоторой степени отождествились съ нимъ. Это — благородный видъ подражательности. Ею отмѣчены первые шаги всѣхъ гениальныхъ людей и всѣхъ историческихъ культуръ и народовъ — Греціи, Рима, народовъ средневѣковья.

2) Подражательность, обусловленная вѣрой въ существованіе наилучшаго стиля и свойственной бездарностямъ потребностью слѣдовать правиламъ, танцовать отъ печки. Подражатель этого рода искренно убѣжденъ, что онъ оригиналенъ, когда ему посчастливилось напасть на новый сюжетъ, новый мотивъ, новую матерію. Напавши на нее, онъ затѣмъ обрабатываетъ ее согласно облюбованнымъ имъ канонамъ красоты, не ставя даже вопроса, который онъ просто не въ состояніи даже усмотрѣть, соответствуетъ-ли матерія его произведенія ея формѣ? Это и есть академизмъ. Такова музыка Направника, романы французскихъ «безсмертныхъ», картины русскихъ «ординарныхъ академиковъ» половины прошлаго столѣтія. Первый видъ подражательности для политика исключенъ: это — подражательность произвольная, бессознательная, творческая, а политикъ — на то онъ и политикъ — дѣлаетъ все сознательно и преднамѣренно. Отъ академизма же ему уберечься нельзя.

Истинный національный гений, духовно связанный со своимъ народомъ, если можно такъ выразиться, творчески подражаетъ послѣднему. Онъ черпаетъ изъ сокровищницы народнаго — своего собственнаго — духа матеріалъ, который самъ диктуетъ свою форму и, такимъ образомъ, органически разрастается въ новую духовную цѣнность. Раскрывая свою душу, національный гений реализуетъ возможности, заложенныя въ національной психѣ, создаетъ національную культуру (напр., Мусоргскій). И вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣмъ самымъ онъ обогащаетъ, обновляетъ, подчасъ даже революціонизируетъ (тотъ-же Мусоргскій) общечеловѣческую культуру. Академистъ, который хочетъ только быть, какъ всѣ, тѣмъ самымъ обезличиваетъ свой матеріалъ. Незачѣмъ разрабатывать темы народныхъ пѣсенъ, когда въ результатъ получается такая-же самая содата, какъ у Бетховена, — вѣрнѣе, какъ у Черни или Герца. Проникнутая насквозь академизмомъ, дѣятельность политика — «строителя» націи неминуемо приводитъ къ обезличенію того національнаго индивидуума, о самобытности котораго онъ заботится, а, слѣдовательно, къ смерти націи.

Если теперь приложимъ выводы, добытые только-что продѣланнымъ анализомъ, къ фактамъ современной исторіи, то убѣдимся, что предварительно принятая нами формула ея сущности далеко не точно выражаетъ послѣднюю, вѣр-

иѣе — выражаетъ только ея видимость. Вѣрно, что «самоопредѣленіе народовъ» есть специфическая черта нашего времени. «Политика національностей» — „*politique des nationalités*“ — достигла въ XX вѣкѣ своей кульминаціонной точки. Но — таковъ неумолимый законъ діалектики Духа — всякое достиженіе несетъ съ собою свое собственное, имъ самимъ порождаемое, отрицаніе. Число національныхъ государствъ — по крайней мѣрѣ, государствъ, хотящихъ быть, считающихъ себя національными — чрезвычайно умножилось. Въ спѣшномъ порядкѣ переименовываются улицы новыхъ столицъ, пишутся учебники «возрожденныхъ» языковъ, воскресаютъ изъ забвенія національныя исторіи, выпускаются юбилейныя (уже!) почтовые марки. Рижскіе Фельдманы дѣлаются Фельдманисами, кievскіе Орловы — Орловыми, минскіе Щекотихины — Шакаціхіны и т. под. При переѣздѣ, при которомъ прежде достаточно было одинъ разъ посѣтить мѣняльную контору, теперь приходится мѣнять валюту разъ десять и разоряться на удручающее количество визъ. Но стала-ли отъ этого жизнь разнообразнѣе, богаче впечатлѣніями, которыхъ бы стоило набраться? Исходятъ-ли отъ новыхъ «національностей» оплодотворяющіе общечеловѣческую культуру, новые творческіе импульсы? Обращаемъ-ли мы наши взоры на Тифлисъ и Баку, на Ковно и на Харьковъ, на Яссы съ Букарештомъ съ такою же жадностью, съ такими-же упованіями, какъ на Флоренцію, Мюнхенъ и Парижъ? Намъ скажутъ: погодите, нельзя же вдругъ! И Флоренція до Данте и Боттичелли никому, кромѣ самихъ флорентинцевъ, не была нужна. Но Ковно и Букарештъ существуютъ не со вчерашняго дня; главное-же то, что чѣмъ дальше, тѣмъ народы Европы — и это относится въ особенности къ «новымъ» народамъ — становятся все больше и больше похожими другъ на друга, оправдывая предсказаніе гениальнаго Леонтьева, — и что чѣмъ дальше, тѣмъ меньше шансовъ ждать появленія новаго Данте въ Яссахъ или новаго Боттичелли въ Ковнѣ. Культура, подобно бритвамъ и автомобилямъ, фабрикуется въ наши дни «en série», въ рабочихъ мастерскихъ англійскихъ поставщиковъ романовъ-фельетоновъ и вѣнскихъ композиторовъ оперетокъ, въ ателье Холивуда, и отсюда, переводимая на «національные» языки, поставляется въ Бомбей и Мадрасъ, въ Ригу и Харьковъ и въ безчисленные центры старой и «новой» Европы. И если старая Европа этому еще въ состоя-

ни сопротивляться, благодаря Шекспиру и Толстому, Гюго и Данте, — то что может противопоставить Ледгару и Эдгару Уоллесу, Лонг-Чанею и Мэри Пикфордъ — Европа «новая»? Развѣ собственный «національный» фильмъ, крученный при участіи «національныхъ» актеровъ, Холливуду не подошедшихъ. Но публика не любитъ жертвовать собственнымъ удовольствіемъ ради соображеній національно-культурнаго протекціонизма и упорно отдаетъ свое предпочтеніе — Холливуду.

Леонтьевъ думаетъ, что надвигающееся обезличеніе Европы есть послѣдствіе увлеченія идеями эгалитаризма, демократіи, интернаціонализма. Но культурный идеаль средне-вѣковья былъ еще исключительнѣе, еще послѣдовательнѣе универсальнымъ. Равноправіе не предполагаетъ и не требуетъ непременно одинаковости. Европеизація не обезличила Китая и Японіи, и не только не обезличила, но потенцировала культурное своеобразие Индіи. Шпенглеръ видитъ первопричину въ томъ, что «Западъ» клонится къ своимъ «сумеркамъ» и что культура, т. е. свободное творчество, въ немъ вытѣсняется «цивилизацией». Но если мы отъ европейской культуры вообще перейдемъ къ сравненію культуры старой Европы съ культурой «новыхъ» европейскихъ народовъ, то мы все-же должны будемъ вернуться къ вопросу, почему-же именно эти послѣдніе, которые, казалось-бы, должны быть свѣжѣе, жизнениѣе, крѣпче старыхъ народовъ, — просто въ силу того, что они «новые», — почему именно они не въ силахъ уберечь свою молодую культуру отъ натиска безличной и бездушнѣе «цивилизации»? Отвѣтъ, думается мнѣ, будетъ заключаться въ слѣдующемъ: если, вмѣсто того, чтобы вырабатывать собственную культуру, «новые» народы просто импортируютъ культуру, фабрикуемую «en série», то это потому, что они и сами явились на свѣтъ тѣмъ-же способомъ: они сами фабрикуются «en série», подгоняясь подъ опредѣленный стандартъ. Шпенглеръ относитъ «сумерки Европы» на счетъ ея «старости». Согласно распространенному взгляду, дряхлѣющая культура античнаго міра была омоложена и преобразена новыми народами. Отъ «новыхъ» народовъ нынѣшней Европы этого чуда ждать не приходится. Ибо они, минуя стадію культуры, сразу вступаютъ въ стадію «цивилизации». И симптомы, характеризующіе эту стадію, у нихъ обнаруживаются много явственнѣе, чѣмъ у старыхъ народовъ. То

что у старых народов слагалось вѣками, отслаивалось поколѣніе за поколѣніемъ, накоплялось въ результатѣ миллионныхъ индивидуальныхъ усилій, заблужденій и достижений, какъ ихъ національная традиція, народы «новые» вынуждены «сдѣлать» для себя сразу. Но какъ можно «сдѣлать» традицію, которая, въ силу опредѣленія, предполагаетъ именно долгій органической ростъ? Мѣстный фольклоръ и мѣстный языкъ такой «новой націи», бывшіе въ теченіе вѣковъ достояніемъ общественныхъ слоевъ, жившихъ стихійной, полусознательной, неизмѣнявшейся жизнью, оставшейся въ сторонѣ отъ общей жизни культурнаго чело- вѣчества, такой традиціей не являются. Национальная традиція не резервный фондъ, не забронированный капиталъ; она, какъ всякая историческая величина, есть процессъ, непрекращающееся становленіе, ростъ и перерожденіе национальныхъ цѣнностей въ национальной душѣ. Точнѣе говоря, она есть сама эта національная душа, вѣчно обнаруживающая себя и вѣчно обновляющаяся национальная энергія. Нѣтъ ничего поверхностнѣе, какъ ходячее противопоставленіе «традиціи», какъ синонима «застоя», — «прогрессу». Оно основано на смѣшеніи предметовъ, служащихъ вещественнымъ выраженіемъ традиціи, съ отношеніемъ къ нимъ людей. Великая хартія вольностей и по сей день является основой англійской конституціи, по сей день она не отмѣнена никакимъ послѣдующимъ закономъ. Но въ этомъ памятникѣ нѣтъ ни единого слова, которое понималось-бы въ наше время такъ, какъ его понимали бароны, навязавшіе хартію королю Джону въ Ренимедѣ въ 1215 г., и какъ его понималъ самъ этотъ король Джонъ. Великая хартія вольностей 1930 года представляетъ собою итогъ политической мысли Стефана Лангтона и Симона де Монфора, Брактона и Фортеस्कью, судьи Кока и Оливера Кромвеля, Питта и Борка, Бентама и Милля, Биконсфильда и Чемберлена, Лойдъ-Джорджа и Рамзея Макдональда. Можно было-бы написать исторію Великой хартіи. Это была-бы исторія англійскаго народа отъ 1215 до 1930 года, подобно тому, какъ исторія Евангелія составляетъ исторію всего христіанскаго челоѣчества. Лютеръ, признавшій только писаніе и отвергшій преданіе, тѣмъ самымъ лишь открылъ новую эру въ исторіи христіанской традиціи. Но славянофильскія бороды и мурمولки, но петербургскія дачи въ стилѣ «де русь съ пѣтушками», но полотенца надѣ-

портретомъ Шевченка съ вышитыми на нихъ дѣвчиной и парубкомъ, танцующими гопака, — это лже-традиціонализмъ, фетишизмъ, суррогатъ религии національной традиціи. Національная традиція не только оберегаетъ народъ отъ обезличенія, — она таитъ въ себѣ импульсы для дальнѣйшаго роста. Шпенглеръ поторопился похоронить старую Европу. Онъ проглядѣлъ факты текущей жизни, — обыкновенный для эпигоновъ романтики случай. Явленія Пикассо, Дерена и Лота, явленія Гуссерля, Теодора Литта, Макса Шелера показываютъ, что французская живопись и германская философія далеки отъ старческаго склероза. Старымъ народамъ «цивилизация» угрожаетъ въ сравнительно слабой степени. Традиція помогаетъ имъ преодолѣть ее. Но для «новыхъ» она опасна смертельно.

Итакъ, для «новыхъ» народовъ нѣтъ выхода, нѣтъ мѣста подъ солнцемъ? Итакъ, ихъ удѣлъ — ассимиляція съ историческими націями, или-же — на вѣки — жалкое прозябаніе въ видѣ псевдо-націй, якобы націй? Они опоздали явиться на свѣтъ, войти въ исторію, — и поэтому имъ такъ-же не суждено вложить свою долю въ исторію міровой культуры, какъ получить свою долю изъ европейскихъ колоній Африки?

Кто сдѣлаетъ такой выводъ, кто мнѣ припишетъ такой выводъ, покажетъ тѣмъ самымъ, что онъ не усвоилъ себѣ основной мысли всѣхъ моихъ разсужденій, мысли о текучести исторіи. Въ частности — не усвоилъ себѣ мысли о нынѣшнемъ кризисѣ національнаго государства, еще точнѣе — кризисѣ политики національностей, кризисѣ, выражающемся въ томъ, что кульминаціонный пунктъ въ этой политикѣ несетъ въ себѣ свое собственное отрицаніе. Въ этомъ можно убѣдиться сразу на одномъ фактѣ. Новыя государства, вызванныя къ жизни послѣ великой войны въ силу принципа національнаго самоопредѣленія, сложились не какъ національныя государства, а какъ маленькія имперіи, такъ что, строго говоря, незачѣмъ было, во имя этого принципа, разрывать на части «лоскую имперію» Габсбурговъ и обрѣзывать Россію. «Лоскутная имперія» была учрежденіемъ, во многихъ отношеніяхъ весьма устарѣлымъ; однако, чѣмъ «Великая» Польша или «Великая» Румынія лучше ея? И нечего думать, что пересмотръ Версальскаго и дополняющихъ его договоровъ дѣло можно было-бы поправить радикальнымъ образомъ. Затрудне-

нія здѣсь непреодолимы: они состоятъ въ томъ, что въ современной Европѣ границы естественныя (стратегическія), національныя и экономическія не совпадаютъ и что въ цѣломъ рядѣ пограничныхъ, промежуточныхъ зонъ, зачастую весьма широкихъ, население такъ перемѣшалось, что, какъ ни размежевывать сосѣдей, удовлетворить всѣ національныя притязанія нацѣло все-равно не удастся. Самымъ важнымъ является, разумѣется, несовпаденіе національныхъ и экономическихъ границъ. Регионализмъ, областничество, становится все болѣе и болѣе существеннымъ факторомъ политической исторіи. Регионализмъ нерѣдко — и весьма охотно — смѣшиваются съ национализмомъ. Локальныя бытовыя особенности, всего чаще опредѣляемыя способомъ хозяйствованія въ данной области и характеромъ ея хозяйственныхъ ресурсовъ, выдаются заинтересованными за національныя. Подчасъ это дѣлается вполне *bona fide*, — ибо огромное большинство людей, борющихся за «национальное самоопредѣленіе», не отдаетъ себѣ — мы видѣли это — отчета въ томъ, что такое нація? Хорватское движеніе — типичный примѣръ движенія областногоческаго. Хорваты хотя бы болѣе справедливаго распредѣленія налогового бремени въ королевствѣ СХС, хотять управляться собственными чиновниками, а не присылаемыми изъ Бѣлграда. Въ культурномъ отношеніи хорваты и сербы, несмотря на различіе вѣры, — одинъ народъ, имѣющій общій языкъ. Но хорваты называютъ свое движеніе — национальнымъ. Иногда это дѣлается съ расчетомъ. Такъ украинизаторы присвоиваютъ Украинѣ козачество, истолковывая козаческое, явно областническое движеніе, какъ «национальное». Легенда о «козацкой націи» уже получила, къ слову сказать, нѣкоторое распространеніе и въ Европѣ. Одинъ, довольно извѣстный, теоретикъ національнаго вопроса, *Van Cennep*, въ своей книгѣ «*Traité des nationalités*» (1923), представляющей соединеніе незаурядной остроты мысли съ просто поразительнымъ по развязности и по глубинѣ невѣжествомъ, утверждаетъ, напр., что козаки, правда, нація, но отдѣльная отъ украинцевъ; украинцы же безъ сопротивленія подчинились Москвѣ, доказавъ тѣмъ свое христіанское смиреніе исконно-православнаго народа, тогда какъ козаки съ Москвою боролись: это потому, что козаки — не русскіе, не малороссы и вообще не славяне, а византизированные и христіанизированные турки. Понравится-ли это открытіе украини-

затарамъ — не знаю. Трудность иной разъ отличить регионализмъ отъ національнаго движенія не подлежитъ сомнѣнiю. Регионализмъ можетъ сопутствовать этому движенiю (Эльзась и Лотарингiя), можетъ, въ концѣ концовъ, создать его. Отпаденiе С. Америки отъ Англiи было результатомъ американскаго областничества. Регионализмъ можетъ, какъ это видно изъ того-же примѣра, пересиливать національныя тяготѣнiя (ср. вышеприведенный примѣръ Корушки). Регионализмъ, однако, не означаетъ непременно сепаратизма. Западно-европейскiе публицисты, изъ числа тѣхъ, которые спятъ и во снѣ видятъ окончательный распадъ Россiи, кажется, возлагаютъ черезчуръ большiя надежды на сибирское областничество. И Францiя просчиталась въ своей политикѣ въ Рейнской области, принявъ рейнскiй регионализмъ за сепаратизмъ. Въ томъ, что с.-американское областничество привело къ с.-американскому сепаратизму и, въ конечномъ итогѣ, дало начало новой нацiи, была повинна въ значительной степени англiйская колониальная политика XVIII вѣка. Потомъ Англiя стала осторожнѣе. Сдѣлавъ и продолжая дѣлать уступки регионализму, Англiя спасла свою имперiю XIX—XX столѣтiй. Регионализмъ вовсе не толкалъ с.-американцевъ на отдѣленiе. Они хотѣли не отдѣленiя, а извѣстной доли экономической самостоятельности. Экономическiя и культурныя связи колонiй съ Англiей были слишкомъ сильны. Извѣстно, что, послѣ отдѣленiя, вопреки опасенiямъ англичанъ, торговля Англiи съ ея бывшими колонiями не прекратилась, а, напротивъ, усилилась. Регионализмъ — результатъ экономической структуры современнаго мiра, основанной на свободномъ сотруди́нствѣ земель и народовъ. Интересно сопоставить соотношенiе тенденцiй духовной культуры и хозяйственнаго развитiя въ наше время и въ среднiе вѣка. Тогда основная хозяйственная единица, «феодъ», тяготѣла къ полной автономiи и самодовлѣнiю. Массовому индивидуализму лицъ предшествовалъ такой-же массовый индивидуализмъ хозяйственныхъ мiрковъ. «Чистому» субъекту, «построенному» мыслителями Эпохи Просвѣщенiя, «естественному» чело́вѣку, носителю личны́хъ правъ, существовавшихъ до «Общественнаго договора», предшествовалъ очень похожий на него объектъ хозяйствованiя — средневѣковое замкнутое помѣстье, живущая для себя и удовлетворяющая свои потребности трудомъ своихъ цеховъ, средневѣковая ком-

муна. Эти хозяйственно-политическіе мірки, если не на дѣлѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ тенденціи, въ идеалѣ, были независимы другъ отъ друга, другъ друга не знали и другъ безъ друга обходились. Напротивъ, въ высшихъ сферахъ культуры въ средніе вѣка господствовало начало сотрудничества, обмѣна услугами, постоянного взаимопроникновения. Расцвѣтъ національныхъ культуръ на рубежѣ средневѣковья и новаго времени былъ слѣдствіемъ этого культурно-національнаго синкретизма. Англичане упорно боролись съ французами и съ «гасконскимъ» засильемъ въ Англии на политической почвѣ, но, по счастью, имъ и въ голову не пришло «очищать» англійскій — англо-саксонскій по своему первоначальному происхожденію — языкъ отъ французской примѣси. Необыкновенное богатство оттѣнковъ англійскаго языка обусловлено тѣмъ, что Шекспиръ и Бэконъ опирались, въ своемъ словесномъ творчествѣ, на Чосера и на «романы» англо-нормандскихъ поэтовъ XIII вѣка, а не на Беофульфа и англо-саксонскія «правды». Въ наши дни національности стремятся къ культурному самодовлѣнію, строятъ свою культуру такъ, какъ «феодъ» строилъ свое хозяйство. Экономическая же эволюція, обусловленная ростомъ народонаселенія на земномъ шарѣ, ростомъ потребностей, успѣхами техники, толкаетъ народы и земли ко все болѣе тѣсному сотрудничеству, сотрудничеству, которое, однако, не исключаетъ областной свободы, а напротивъ — требуетъ ея. На основахъ координаціи самостоятельныхъ силъ растутъ политическіе колоссы, которымъ принадлежитъ будущее, которымъ уже принадлежитъ настоящее: Британская Имперія, эта федерация «владычествъ» („dominions“), и Сѣверо-Американская Федерация Сѣверныхъ, Южныхъ и Западныхъ Штатовъ. Европа, какъ система національныхъ государствъ, очевидно, не въ состояніи выдержать конкуренціи другихъ великановъ. То, что называлось европейской «политической системой», отживаетъ свой вѣкъ. Эта система искусственно была поддержана національно-государственнымъ напряженіемъ, проявленнымъ европейскими народами въ періодъ великой войны, и искусственно-же закрѣплена державами побѣдительницами въ томъ видѣ, какой она во время этой войны приобрѣла. Побѣдители надѣются даже, что она будетъ развиваться и далѣе въ созданномъ ими направленіи. Высказался же какъ-то Бріанъ, что режимъ національныхъ

меньшинствъ имѣть цѣлью облегчить для послѣднихъ «безболѣзненное слияніе» съ господствующими національностями. Врядъ-ли, однако, можно сомнѣваться въ томъ, что румынскіе мадьяры и русскіе не станутъ румынами, а польскіе нѣмцы и русскіе — поляками. Громадное значеніе имѣеть здѣсь одно уже то, что почти каждое національное меньшинство въ одной странѣ опирается на соотвѣтствующее большинство въ другой.

Для Европы не можетъ быть иного исхода, какъ превращеніе въ Соединенные Штаты, — о чемъ теперь говорятъ уже не только безотвѣтственные публицисты, но и выдающіеся руководители европейской политики. Эра индивидуализма миновала для государствъ, какъ она миновала для хозяйствующаго человѣка. И въ политической сферѣ, какъ въ экономической, надвигается пора трестовъ, концерновъ, картелей, синдикатовъ, которые призваны замѣнить собою временные и не умаляющіе ничего суверенитета союзы и соглашения. Спаси національное начало, національныя культуры отъ обезличенія, отъ политизаціи возможно, только усвоивъ тѣ основы, которыя были теоретически заложены въ свое время для Австро-Венгрии Реннеромъ-Шпрингеромъ въ его книгѣ о національномъ вопросѣ: національное государство превращается въ національное общество, построенное по типу религіозной общины. Восторжествуетъ ли эта истина въ 3. Европѣ и когда — трудно сказать. Здѣсь слишкомъ укоренились навыки національно-государственнаго существованія. Иное дѣло — Россія. Показательно, что з.-европейскіе теоретики «Соединенныхъ Штатовъ Европы» Россію въ свой планъ не включаютъ. Россія, дѣйствительно, особая мѣрѣ. Этому міру — нынѣшней СССР — и тяготящимъ къ нему и съ нимъ экономически и исторически связаннымъ міркамъ («лимитрофы») перестроиться по типу англо-саксонскихъ надънациональных синдикатовъ несравненно легче. Важно, что очень многое въ этомъ направленіи уже сдѣлано, хотя и довольно скверно. Нынѣшняя Россія представляетъ изъ себя соединеніе ряда неизмѣримыхъ по размѣру и по значенію «национальныхъ» республикъ, изъ которыхъ многія являются «национальными» только по имени. Этнографическія и областныя особенности просто были выданы — или приняты — законодателемъ за «национальныя». Какъ бы то ни было, населеніе этихъ мірковъ пріучается къ областной

жизни, продѣлываетъ, пусть и въ условіяхъ безпримѣрнаго рабства, «практическія занятія» по областной автономіи, — подобно тому, какъ, голосуя въ сельсовѣтахъ, оно обучается техникѣ фактически несуществующей въ СССР демократіи. Къ государству автократическо-унитарнаго типа и стиля Россіи, повидимому, возврата нѣтъ. Но географическія условія русскаго материка-океана, но экономическая взаимозависимость отдѣльных его зонъ, но, главное, съ каждымъ десятилѣтіемъ усиливающаяся общая тяга къ Сибири — исключаютъ перспективу полного политическаго распада Россіи. Къ этому надо присоединить еще слѣдующее: «раздѣлываніе» русской націи на мѣстныя «національности» происходитъ въ настоящее время принудительно и составляетъ одинъ изъ элементовъ большевицкаго режима. Эмансипація національностей, искусственная выдѣлка новыхъ «націй», никогда не существовавшихъ, — кость, которую большевики, централисты и по убѣжденіямъ, и въ силу необходимости, бросаютъ народамъ и областямъ Россіи, чтобы тѣмъ самымъ преодолѣть гибельныя для большевизма областническія тенденціи. Все вмѣстѣ взятое рано или поздно должно привести къ торжеству регионализма. Россія будущаго — не «единая-недѣлимая» Россія прошлаго, не псевдо-федерация псевдо-національныхъ республикъ настоящаго, а союзъ областей. Въ такихъ условіяхъ открывается широкій просторъ для развитія тѣхъ мѣстныхъ культурныхъ особенностей, которыя вообще способны къ развитію. Кто чувствуетъ себя «украинцемъ», тотъ сможетъ тогда свободно, не подчиняя своей дѣятельности политическимъ по существу соображеніямъ, творить «украинскую» культуру. Пусть эта культура будетъ областная, провинціальная, зато она будетъ — подлинная, не — псевдо-культура. Не забудемъ, что культуры Вальтера фонъ деръ Фотельвейде, Данте и и Петрарки, Чосера и автора пѣсни о Роландѣ — были тоже провинціальными культурами, когда единственной міровой культурой была латинская.

Кіевъ былъ матерью городовъ русскихъ. Украинизаторы — конечно, они сами не понимаютъ этого — готовятъ ему положеніе Букарешта. Тѣмъ, чѣмъ въ настоящее время являются Прага, Краковъ, Львовъ, Загребъ, онъ стать не можетъ. Почему — я надѣюсь, это уже выяснено въ достаточной мѣрѣ. Но въ Россіи — демократіи областей —

онъ можетъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ даже въ «лоскутной имперіи» Прага, Краковъ, Львовъ и Загребъ были.

Выставляя эти положенія, я опять-таки предвижу возраженія, сомнѣнія и опасенія какъ съ украинской, такъ и съ русской стороны. Украинцы потому вѣдь и настаиваютъ на принудительномъ насажденіи украинской культуры — псевдо - культуры, — что они не вѣрятъ въ возможность развитія этой культуры въ условіяхъ свободнаго соревнованія съ русской. Русскіе могутъ сказать, что путь, намѣчаемый здѣсь, приведетъ, въ концѣ концовъ, къ тому именно, чего, съ русской точки зрѣнія, слѣдуетъ опасаться: если Кіевъ можетъ стать тѣмъ, чѣмъ до 1918 года были Загребъ и Прага, то не станетъ ли онъ въ дальнѣйшемъ все-же тѣмъ, чѣмъ Загребъ и Прага являются сейчасъ?

Исторія не занимается составленіемъ гороскоповъ. Но взвѣшивать шансы — ея право, и я не считаю, что превышу свои права историка, если сдѣлаю попытку заглянуть въ будущее, — вѣроятно о будущемъ.

Опасенія украинцевъ, конечно, не лишены совѣмъ основанія. Все-же, я думаю, что они сильно преувеличены. Русская культура воздѣйствовала не только своимъ превосходствомъ, но также и тѣмъ, что это была культура господствующаго общественнаго слоя. Русская нація строилась сверху, подобно римской. Общерусская культура была связана съ общерусскою государственностью; она была культурой носителей и дѣятелей этой государственности. Въ настоящее время русская культура не сможетъ оказать областнымъ провинціальнымъ культурамъ того сопротивленія, которое она оказала-бы имъ, если-бы Россіи довелось перестроиться на началахъ федеративной демократіи десять лѣтъ тому назадъ. Русскіе могутъ этимъ огорчаться, украинцы — радоваться этому. Во всякомъ случаѣ, это — фактъ.

Что касается опасенія другого рода, то и его серьезности отрицать нельзя. Географическій факторъ — палка о двухъ концахъ. Въ географическихъ особенностяхъ Россіи заложены тенденціи къ ея единству, но эти тенденціи смогутъ проявить себя и подчинить себѣ ходъ народнаго развитія лишь при условіи использования ихъ рациональнымъ чело-вѣческимъ трудомъ. Сколь ни необходимы другъ другу, для благосостоянія цѣлаго и частей, Сѣверъ и Югъ, Востокъ и Западъ, все-же громадность разстояній, бездорожье, отсутствіе капитала, правовая необезпеченность—являются въ на-

стоящее время условіями, способствующими своего рода феодализации Россіи, ея расползанію на малые мірки. И если, послѣ освобожденія отъ большевицкаго ига, экономическое и правовое оздоровленіе Россіи пойдетъ медленно и вяло, то размноженіе мѣстныхъ, провинціальныхъ культуръ сможетъ явиться серьезной угрозой не только для подорванной уже общерусской культуры, но и для общерусской государственности. Вмѣсто «трестированія» зонъ и народностей, можетъ произойти ихъ полное разобщеніе, матеріальное и духовное. И именно духовное разобщеніе будетъ способствовать матеріальному.

Опасенію этого рода можно противопоставить слѣдующія соображенія, имѣющія значеніе, конечно, только при предположеніи, что здоровыя понятія о томъ, что такое нація и что такое культура, что такое Россія, какъ особый географическій и экономическій (въ своихъ потенціяхъ) міръ, будутъ усвоены тѣми, кому достанется большевицкое наслѣдіе: если, послѣ паденія большевицкой власти, народы и области Россіи согласятся устроиться на демократическо-федеративныхъ началахъ, то это, несомнѣнно, создастъ почву для національно-культурныхъ столкновеній. Нельзя думать, чтобы состояніе различныхъ культуръ протекало въ Россіи легче и безболѣзненнѣе, чѣмъ, напр., въ современной Америкѣ, съ ея Ку-клукс-кланомъ и гоненіями на цвѣтныхъ, католиковъ, «восточныхъ европейцевъ» и т. д., или чѣмъ это было въ свое время въ Австро-Венгріи, а сейчасъ продолжается въ державахъ-наслѣдницахъ ея. И все-же, я думаю, что, напр., Украина, если въ ней разовьется свободно своя, мѣстная, украинская культура, будетъ, съ точки зрѣнія общерусскаго единства, представлять неизмѣримо меньшую опасность, нежели Украина, принудительно украинизованная. И вотъ почему: 1) Для того, чтобы въ Украинѣ создалось свободно свое украинское большинство, потребуется много времени, — гораздо больше, чѣмъ для экономическаго оздоровленія Россіи, тѣмъ болѣе, что — я повторяю это — на первыхъ порахъ слѣдуетъ ожидать антиукраинизаторской реакціи; процессъ хозяйственной интеграціи обгонитъ процессъ культурной дифференціаціи. 2) Надо принять во вниманіе, что — будемъ откровенны — тяга къ культурно-политическому обособленію есть лишь въ извѣстной степени плодъ интеллигентскаго идеализма. Въ очень многихъ слу-

чаяхъ скрытыми душевными двигателями является здѣсь карьеризмъ, желаніе выдвинуться, сыграть роль. Новое государство — это множество новыхъ возможностей: депутатскихъ кресель, дипломатическихъ постовъ, министерскихъ портфелей. Скромный гимназическій учитель въ новой столицѣ можетъ рассчитывать на званіе академика, ротный командиръ — на мѣсто начальника генеральнаго штаба. Искусственная выдѣлка націи, при неизбѣжномъ на первыхъ порахъ безлюдьи, всегда на руку слабымъ, неудачникамъ, въ масштабѣ прежняго большого государства не преуспѣвавшимъ. Малымъ кораблямъ свойственно искать мелкой воды для плаванія. Но въ условіяхъ мирнаго развитія, безъ искусственнаго и по необходимости насильственнаго отстраненія «лучшихъ», т. е. способнѣйшихъ, сильнѣйшихъ, этого вліянія слабыхъ, «худшихъ», опасаться не приходится. «Лучшимъ»-же свойственно стремиться къ возможно большому расширенію сферы приложенія своихъ силъ. Фордамъ и Рокфеллерамъ уже и въ Америкѣ становится тѣсно.

Единство въ многообразіи, дифференціація безъ дезинтеграціи — такова формула той цѣли, къ которой слѣдуетъ стремиться сообща и русскимъ, и украинцамъ. Русскимъ, ибо русская культура не нуждается въ томъ, чтобы ее подпирать искусственными подпорками, ибо «руссификація» только компрометировала ее; украинцамъ, ибо только такимъ образомъ они могутъ вызвать къ жизни свою, мѣстную культуру.

„ЕДИНСТВО“

Русское Издательское Общество
въ Прагѣ.

(Praha, XII, Fochova tř. 95, ČSR).

Членскій пай — 100 кч = 3 амер. доллара.

Вступительный взносъ — 5 кч = 15 амер.
центовъ на каждый пай.

Вышли изъ печати:

Кн. А. М. Волконскій, Имя Руси въ домонгольскую пору. Прага, 1929. Цѣна 6 кч.

И. И. Лаппо, Идея единства русскаго народа въ Юго-западной Руси въ эпоху присоединенія Малороссіи къ Московскому государству. Прага, 1929. Цѣна 8 кч.

В. А. Мякотинъ, „Переяславскій договоръ“ 1654 г. Прага, 1930. Цѣна 6 кч.

Готовятся къ печати:

С. В. Завадскій, Трїединство русской культуры.

А. А. Кизеветтеръ, Н. И. Костомаровъ и А. П. Щаповъ въ ихъ отношеніи къ областническому вопросу.

И. О. Панасъ, Къ вопросу объ единствѣ русскаго языка.

Ю. А. Яворскій, Народъ-двойникъ. Культурно-политическія наблюденія и замѣтки по русско-украинскому вопросу.

Цѣна 6 кч = 20 амер. центовъ.